

УДК 343.9

DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(2).189-198

КРАУДФАНДИНГ: СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В ЭТОЙ СФЕРЕ

Т.С. Яценко, Е.В. Тищенко, А.И. Овчинников

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

27 марта 2020 г.

Дата принятия в печать

5 апреля 2021 г.

Дата онлайн-размещения

30 апреля 2021 г.

Ключевые слова

Краудфандинг; краудинвестинг; краудлендинг; инвестиционная платформа; сеть Интернет; инвестиции; идентификация; мошенничество; легализация (отмывание) денежных средств

Финансирование

Издается при финансовой поддержке РФФИ, грант № 19-011-00820 (а)

Аннотация. В настоящее время краудфандинг рассматривается в качестве одного из перспективных направлений предпринимательской деятельности, важного элемента обеспечения экономического роста страны. Современные исследования по краудфандингу сосредоточены преимущественно на детерминантах успеха финансирования различных проектов в данном сегменте экономики. Однако своеобразие технических условий его функционирования не исключает риск финансовых потерь инвесторов в результате разнообразных преступных действий со стороны субъектов, привлекающих инвестиции, в связи с чем возникает необходимость оценить данные риски, а также уделить внимание проблемам действующего нормативного регулирования краудфандинга. В статье изучаются особенности краудфандинга, анализируются его основные модели, в рамках которых риск злоупотреблений является наиболее высоким. Раскрываются признаки преступлений в сфере краудфандинга, преимущественно признаки деяний, предусматривающих мошеннические действия, а также приводятся факторы, позволяющие прогнозировать обнаруженное или предполагаемое мошенничество при краудфандинге. Проведенное авторами исследование позволило прийти к выводу о том, что сделанный в российском законодательстве акцент на информировании инвестора о лицах, привлекающих инвестиции, и об их инвестиционных предложениях, а также на ограничении суммы его инвестиций не является эффективной мерой профилактики мошенничества и требует разработки дополнительных мер охраны инвесторов.

CROWDFUNDING: SOCIAL ENTERPRISE AND CORRUPTION COUNTERACTION IN THIS SPHERE

Tatiana S. Yatsenko, Ekaterina V. Tishchenko, Alexey I. Ovchinnikov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, the Russian Federation

Article info

Received

2020 March 27

Accepted

2021 April 5

Available online

2021 April 30

Keywords

Crowdfunding; crowdfunding; crowdlending; investment platform; the Internet; investments; identification; fraud; legalization of money (money laundering)

Acknowledgements

The publication is financially supported by the RFBR, Grant № 19-011-00820 (a)

Abstract. At present, crowdfunding is viewed as a prospective trend in entrepreneurship, an important element of ensuring the economic development of the country. Modern research of crowdfunding mainly focuses on success indicators for financing various projects in this segment of economy. However, the specific technical situation of its functioning does not eliminate the risk of financial losses for investors from various criminal actions of investment seekers, which makes it necessary to assess these risks and pay attention to the problems of current normative regulation of crowdfunding. The authors study different features of crowdfunding, analyzes the models where the risk of abuse is highest. They also describe signs of crimes in the sphere of crowdfunding, primarily signs of crimes indicating fraudulent actions, and presents factors that make it possible to predict a factual or potential fraud in crowdfunding. The conducted research allowed the authors to conclude that the stress that Russian legislation puts on informing the investor about the persons that seek investment, on their investment proposals, on limiting the sum of investment, is not an effective measure of preventing fraud and that additional measures for protecting investors are necessary.

Федеральный закон «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ¹ (далее — Закон о краудфандинге) легализовал инвестиционный краудфандинг и тем самым породил вопрос о противодействии мошенничеству в данной сфере, неизбежно возникающий в связи с особенностями ее функционирования.

Краудфандинг представляет собой механизм, позволяющий через специализированные платформы в сети Интернет собирать денежные средства на реализацию самых разнообразных проектов. Речь, как правило, идет о незначительных по сумме инвестициях со стороны большого числа инвесторов [1, р. 1; 2; 3, р. 57–60].

Основная цель краудфандинга, таким образом, заключается в расширении круга инвесторов, а также в возможности привлечения инвестиций в небольшие проекты малоизвестных компаний, в которых квалифицированные инвесторы участвовать не будут. С этой точки зрения он рассматривается в качестве альтернативы традиционным венчурным инвестициям, позволяющей усиливать бизнес-активность в стране и тем самым способствующей развитию ее экономики [4, р. 1; 5, р. 466–450].

На практике сложилось несколько моделей краудфандинга, которые различаются в зависимости от того, что предоставляется инвестору взамен его вноса. Речь идет о моделях дарения (donation model), вознаграждения (reward model), предварительной покупки (pre-purchase model), кредитования (lending model) и акционерного капитала, или краудинвестинга (equity model) [1, р. 14–15; 6; 7].

Первые три модели оказываются вне сферы регулирования отечественного Закона о краудфандинге, поскольку являются по своей сути разновидностями или пожертвования, или купли-продажи будущей вещи. Так, модель вознаграждения предполагает предоставление инвестору небольшой награды в виде, например, брелка, футболки или включения имени инвестора в титры к фильму. Модель предварительной покупки позволяет участвовавшим в инвестировании проекта лицам получить продукт, изгото-

ление которого они финансировали. Например, если финансировалась запись музыкального альбома, то инвесторы получают сам альбом или право купить его по льготной цене [1, р. 16].

По статистике, наиболее успешные творческие проекты, финансируемые через краудфандинг, в России реализованы с помощью именно этих моделей. Не случайно первая из российских краудфандинговых площадок Kroogi.com обеспечивает сбор средств исключительно на творческие проекты.

За рубежом краудфандинг развивался аналогичным образом: сначала активно финансировались творческие проекты, сегодня, напротив, приоритет отдается инвестированию в бизнес-идеи [8; 9, с. 473–475; 10, с. 19].

Эта тенденция учтена и российским Законом о краудфандинге, который регламентирует исключительно краудинвестинг и краудлендинг. Согласно ст. 2, под инвестициями понимаются «денежные средства, используемые в целях получения прибыли или достижения иного полезного эффекта путем приобретения» предусмотренных Законом «ценных бумаг или цифровых прав либо путем предоставления займа».

Стоит отметить, что в условиях, когда общая сумма средств, привлекаемых с помощью краудфандинга, постоянно растет (в 2010 г. она составляла 800 млн долл. США; ожидается, что в 2025 г. через краудфандинговую индустрию будет осуществлено финансовых транзакций на общую сумму уже более 300 млрд долл. [11]), это может повлечь за собой самые негативные последствия не только для инвесторов, но и для отрасли в целом.

Краудфандинг решает проблему финансирования стартапов, тем самым способствуя созданию новых предприятий, увеличению занятости населения и, как следствие, экономическому росту в стране. Новизна этой деятельности и начальная нормативная неопределенность ее регулирования превращают доверие инвесторов в чрезвычайно важный элемент краудфандинга. В связи с этим различные злоупотребления в данной сфере ставят под угрозу само существование краудфандинговых платформ и способны привести к краху всего сегмента рынка, как это произошло, например, с фондовыми рынками по той же причине.

В любой из моделей краудфандинга существуют реальные риски, способные повлиять на функционирование краудфандинговых площадок, которые в обязательном порядке должны приниматься во внимание как инвесторами,

¹О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 2 авг. 2019 г. № 259-ФЗ // Российская газета. 2019. 7 авг.

так и авторами проектов, рассчитывающих на стартовую финансовую поддержку. В содержательном смысле категория «риск» представляет собой осознанную субъектом вероятную опасность, осмысленность действий в прагматическом аспекте и в выборе рационального поведения, целеполаганием которого является достижение успешного результата. С криминологической позиции риски, возникающие при функционировании краудфандинговых площадок, — это вероятность криминального использования информационно-телекоммуникационных сетей (Интернета, специализированных сайтов, мобильных приложений) на рынке краудфандинга. Что касается понимания сущности анализируемого явления, то в первую очередь следует обратиться к трудам зарубежных авторов ввиду большей степени разработанности в них данного вопроса. Зарубежные специалисты выделяют преимущественно такие риски, возникающие при функционировании краудфандинговых площадок, как неудачные инвестиции, мошенничество и легализация (отмывание) денежных средств².

В рамках краудфандинговых инвестиций наибольший риск, с которым сталкиваются инвесторы, — это риск неудачных инвестиций. По характеру системы краудфандинга инвестиции осуществляются, как правило, в компании на ранней стадии их становления, что всегда сопряжено с большим риском, чем при инвестициях в компании, которые достигли определенного уровня зрелости, имеют профессиональный менеджмент и сформировали соответствующую структуру.

Согласно имеющимся данным, 50 % компаний терпит неудачу на ранних стадиях и приходит к банкротству в течение первых пяти лет. В этом смысле краудфандинговые инвесторы не всегда обладают необходимым опытом и знаниями для успешного управления компанией на ранней стадии. Для снижения этого риска необходимо поддерживать культуру предпринимательства, а также расширять для предпринимателей образовательные возможности. Кроме того, обязательно участие в проектах инвесторов, имеющих опыт управления компаний, а также специалистов в области финансов, бухгалтерского учета и права, что также может снизить этот риск.

² Crowdfunding: Fraud and Money Laundering Risks. URL: <https://sanctionsscanner.com/blog/crowdfunding-fraud-and-money-laundering-risks-139>.

Как известно, краудинвестинг предполагает предоставление инвестору права на участие в прибыли или доли в уставном капитале юридического лица, в формировании которого инвестор принимает участие. Если данная модель реализуется для создания акционерного общества и сопровождается передачей инвесторам акций, то она подпадает под действие законодательства о ценных бумагах, что создает дополнительные барьеры, препятствующие разнообразным злоупотреблениям, и гарантирует права инвесторов [1, р. 24]. Однако в иных случаях инвестор в краудфандинге практически не защищен.

Индустрия краудфандинга — плодородная почва для мошенничества. Мошенничество в глобальной сети Интернет уже сейчас рассматривается не только как часть киберпреступности, но и как самостоятельное явление, а именно как совокупность преступлений, характеризующихся единством способа их совершения (использование технологических и коммуникационных возможностей компьютерных систем, подключенных к глобальной сети Интернет, для совершения обмана человека или компьютерной системы), а также корыстной мотивацией преступной деятельности [12, с. 13; 13, с. 69].

В этом смысле краудфандинговая платформа представляет собой информационную систему в сети Интернет, которая используется «для заключения с помощью информационных технологий и технических средств этой информационной системы договоров инвестирования, доступ к которой предоставляется оператором инвестиционной платформы» (ст. 2 Закона о краудфандинге). Связь мошенничества с функционированием краудфандинга в сети Интернет обнаруживают как отечественные, так и зарубежные специалисты, отмечающие рост числа новых форм преступности в связи с развитием Интернета, его трансграничным характером [14, р. 1757–1758; 15; 16; 17, с. 40; 18].

Например, зарубежные исследователи утверждают, что до 14 % компаний, зарегистрированных в США, ежегодно подвергается мошенничеству, а стоимость данного вида преступления может составлять от 20 до 38 % стоимости фирмы. Это эквивалентно потере стоимости в сотни миллиардов долларов каждый год³. Анализ проектов, опубликованных на сайте kickstarter.com, показывает, что большинство из них не являются мошенническими, поскольку более 65 %

³ Crowdfunding: Fraud and Money Laundering Risks.

опубликованных проектов терпит неудачу, а 30–36 % проектов финансируется успешно [11]. Доля реальных мошенничеств в краудфандинге составляет не более 0,01 %, и такой низкий показатель — результат внутренней политики зарубежных краудфандинговых платформ⁴.

В России количество случаев мошенничества с использованием Интернета и коммуникационных сетей стремительно растет, что особенно стало заметно в период пандемии. Только за два месяца текущего года в Российской Федерации зарегистрировано на 29,4 % больше IT-преступлений, чем за этот же период год назад, в том числе совершенных с использованием сети Интернет — на 48,3 %, при помощи средств мобильной связи — на 32,6 %. Если в январе — феврале 2020 г. удельный вес преступлений в IT-сфере составлял 19,3 %, то за первые два месяца текущего года он увеличился до 26,3 %⁵.

Оценить статистически объем мошенничества на российских краудфандинговых платформах не представляется возможным. И это в известной степени связано с незначительной пока долей данного сектора цифровой экономики в структуре экономики России. Но ввиду менее строгих правил раскрытия информации, чем это предусмотрено за рубежом, и недостаточного контроля за краудфандингом мы можем предположить, что мошенничество способно стать серьезной проблемой для отечественного рынка краудфандинга.

Прежде всего, возникает проблема выявления мошеннических действий в рассматриваемой сфере. Специфика Интернета, а также технические особенности организации краудфандинговой деятельности затрудняют данный процесс. Природа таких интернет-платформ характеризуется низкими входными барьерами, пространственной и временной автономией и анонимностью. Поэтому вероятность обнаружения мошенничества зависит от вероятности его совершения и скорости обнаружения. С учетом этого обстоятельства в некоторых зарубежных исследованиях предлагаются механизмы диагностики обмана для сведения риска

мошенничества к минимуму. Следует обратить внимание на работу, в которой на базе двух крупнейших краудфандинговых платформ, Kickstarter и Indiegogo, проведен исчерпывающий анализ всех случаев мошенничества с 2010 по 2015 г., охватывающих девять стран, и установлены факторы, указывающие на возможность мошеннических действий на краудфандинговой платформе. Так, обнаружена корреляция между вероятностью мошенничества и использованием социальных сетей. Именно соцсети выступают инструментом активной коммуникации между инвесторами, между инвесторами и создателями инвестиционных проектов. И, используя социальные сети, инвесторы могут уточнить информацию о представителе той или иной бизнес-идеи [11].

Доверие в краудфандинге опирается на репутацию и личную этику лица, привлекающего инвестиции (реципиента), которые требуют от него честного ведения дел. В иностранной литературе предложена концепция «треугольника доверия», призванная помочь инвесторам определить мошенников на краудфандинговой платформе. Присутствие в социальных сетях выступает предиктором мошенничества при краудфандинге. Так, мошенники, как правило, являются новичками в краудфандинге, мало присутствуют в социальных сетях (например, не предоставляют ссылку на личную страницу в Facebook на веб-странице компании, чтобы избежать общественного контроля) или, напротив, используют их потенциал с целью накрутки количества друзей и лайков в рамках проекта или для отсылки к фальшивым сайтам, поддерживающим проект.

Чем динамичнее общение, тем меньше риск обмана. Пользователи соцсетей могут комментировать проект или задавать вопросы, а создатели проекта могут размещать соответствующие ответы на странице комментариев, чтобы внести свой вклад в эти обсуждения. Еще один источник динамического общения — это страница обновления краудфандинговой площадки. Здесь основатель проекта может давать обновления, связанные с текущим статусом проекта (например, прокомментировать успех финансирования или выложить отчеты о проделанной работе). Предоставление ложной информации или отказ от раскрытия соответствующих фактов о проекте или его создателе являются одной из главных причин приостановки проекта.

⁴ Краудфандинг: сравнительно правовой способ отъема денег у инвесторов. URL: <https://pravo.ru/view/view/123414>.

⁵ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — февраль 2021 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/23447482>.

Важно обращать внимание, как описан проект на сайте краудфандинговой платформы. Мошенники с меньшей вероятностью представят четко сформулированное описание. Оно, как правило, будет излишне общим и не позволит инвесторам получить более четкую информацию о нем [19].

Кроме того, вероятно, будет сложно точно и идеально описать продукт, который не существует и никогда не должен был существовать. Это согласуется с выводами ряда ученых, которые привели доказательства того, что лингвистические и содержательные сигналы в статическом и динамическом контексте помогают прогнозировать мошенническое поведение при краудфандинге [ibid.]. Мошенники могут ориентироваться на менее образованную и более широкую аудиторию, что приведет к использованию ими более простой и понятной терминологии, но менее прозрачных и более запутанных предложений при описании проекта.

Наиболее распространенным примером мошенничества является использование фальшивых платформ и сбор денег для поддельных компаний. Кроме того, в настоящее время существуют различные виды финансового мошенничества, такие как инвестиционное мошенничество, мошенничество с платежами и т.п.

Так, в одном из случаев компания представила на краудфандинговой площадке проект, который предполагал сбор средств на производство продукта питания. Однако сроки выполнения обязательств перед инвесторами существенно нарушались, и в конце концов оказалось, что кампания по сбору средств была мошеннической [11]. Достаточно широкую огласку получило дело Дугласа Монахана, который, действуя через свою компанию iBackPack of Texas, LLC, в ходе четырех краудфандинговых кампаний собрал более 800 тыс. долл. от потребителей, ложно утверждая, что эти средства будут использованы для разработки нескольких продуктов (в том числе iBackPack, который будет предусматривать батареи для зарядки ноутбуков и телефонов, кабели и динамики Bluetooth). Однако данные продукты так и не были созданы. Более того, расследование Торгово-промышленной палаты США показало, что полученные деньги, как правило, шли на личные нужды генерального директора iBackPack.

Таким образом, еще одним индикатором возможного обмана является затягивание выполнения обязательств по проекту. В этом слу-

чае на мошенничество могут указывать следующие факторы: продукт или корпоративное право, на получение которого рассчитывали инвесторы, не предоставляется им в течение более чем одного года; создатель проекта прекратил связь с инвесторами, например более шести месяцев не обновляет информацию на сайте; наконец, о мошенничестве может свидетельствовать и то, что обещанный продукт так и не был создан.

Однако возникает вопрос: должно ли лицо в полном объеме не исполнить обязательства или же мошенничеством будет признаваться и частичное неисполнение взятых обязательств?

В доктрине уголовного права и судебной практике России прочно укрепило положение, в соответствии с которым определяющим для мошенничества является то, что умысел не исполнять взятые на себя обязательства должен возникнуть заранее. Так, в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» от 30 ноября 2017 г. № 48 сказано: «В случаях, когда лицо получает чужое имущество или приобретает право на него, не намереваясь при этом исполнять обязательства, связанные с условиями передачи ему указанного имущества или права, в результате чего потерпевшему причиняется материальный ущерб, содеянное следует квалифицировать как мошенничество, если умысел, направленный на хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество, возник у лица до получения чужого имущества или права на него»⁶. Но не исключена ситуация, когда умысел не исполнять обязательства может возникнуть уже после заключения договора и частичного исполнения обязательств по нему. Будут ли признаки мошенничества в этом случае?

Мы считаем, что многое зависит от конкретной ситуации и реальной (или фиктивной) деятельности лица по выполнению взятых на себя обязательств. В этом смысле характерно дело Дэвида Лэма, инженера компании Indiegogo, который запустил проект, но не смог его контролировать. Количество запросов намного превзошло возможности компании, и она фактически не смогла выполнить свои обязательства. Таким образом, само по себе невыполнение договор-

⁶ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 30 нояб. 2017 г. № 48 // Бюллетень ВС РФ. 2018. № 2.

ных обязательств не может и не должно автоматически расцениваться как преступление.

Как и все другие инвестиционные платформы, краудфандинговые платформы несут в себе риск легализации (отмывания) денежных средств. Мошенничество и отмывание денег — понятия в данном случае взаимосвязанные, поскольку мошенничество является предикатной составляющей отмывания. Однако электронные платежные системы, используемые краудфандинговыми платформами, а также эффективное применение законов против легализации (отмывания) денежных средств в определенной степени способны снизить этот риск. Кроме того, данный риск можно свести к минимуму с помощью процедур по борьбе с отмыванием денежных средств Know Your Customer (KYC) и Customer Due Diligence (CDD).

Практически все исследователи рассматриваемой нами темы отмечают, что трудности противодействия криминальным злоупотреблениям на рынке краудфандинга обусловлены в том числе недостатками правового регулирования краудфандинговой деятельности, не учитывающего в полной мере ее названные технические особенности.

Не лишен подобных недостатков и отечественный Закон о краудфандинге, который пытается обеспечить охрану инвесторов по нескольким направлениям.

Во-первых, данный акт предусматривает ряд требований к участникам краудфандинга — оператору инвестиционной платформы, лицам, привлекающим инвестиции, и инвесторам. Так, согласно ст. 2 Закона, оператором инвестиционной платформы может являться созданное в соответствии с российским законодательством хозяйственное общество, которое включено в администрируемый Банком России реестр операторов инвестиционных платформ. В качестве реципиентов могут выступать также только российские юридические лица или индивидуальные предприниматели.

Требования к названным субъектам дополняются в Законе императивным правилом об их идентификации и аутентификации, что выступает обязательным условием заключения договоров между оператором инвестиционной платформы и ее участниками (об оказании услуг по привлечению инвестиций и по содействию в инвестировании).

Таким образом, статус оператора краудфандинговой платформы и реципиента привязан к

требованиям национального правопорядка, что, по мнению законодателя, представляет собой эффективную меру охраны инвесторов, в том числе от мошенничества. Однако полагаем, что данная мера не является надежной в условиях, когда в России остается нерешенной проблема фирм-однодневок, отсутствуют четкие механизмы, препятствующие их созданию.

Во-вторых, Закон о краудфандинге ограничивает сумму привлекаемых реципиентами инвестиций (ст. 6), а также сумму инвестиций, осуществляемых физическим лицом в течение года с использованием инвестиционных платформ, которая не должна превышать 600 тыс. р. (п. 1 ст. 7). Тем самым сделана попытка уменьшить возможные потери инвесторов в случае, если проект не будет реализован или реципиент окажется мошенником.

На охрану прав инвесторов направлено и требование об их информировании. Так, согласно п. 2 ст. 15 Закона, «оператор инвестиционной платформы обязан предоставить в инвестиционной платформе всем инвесторам информацию о лицах, привлекающих инвестиции, и об их инвестиционных предложениях».

На оператора инвестиционной платформы возлагается обязанность информировать инвесторов о возможных рисках инвестирования, содействовать заключению договоров между участниками краудфандинга, осуществлять их идентификацию и аутентификацию. Судя по содержанию соответствующих норм, законодатель полагает, что их исполнение само по себе обеспечивает прозрачность сделок между участниками платформы — реципиентами и инвесторами. Ограничение суммы инвестирования также признается надежной мерой охраны инвесторов.

Однако, как показывает опыт зарубежных стран, данные меры в действительности оказываются малоэффективными в защите прав инвесторов от преступных посягательств.

Здесь уместно подчеркнуть, что основные положения отечественного Закона о краудфандинге заимствованы из зарубежных правопорядков. В основе данного Закона — Capital Raising Online While Deterring Fraud and Unethical Non-Disclosure Act (Crowdfund Act), принятый в США в 2012 г. и являющийся разделом III другого законодательного акта — Jumpstart Our Business Startups Act (Jobs Act)⁷.

⁷ URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/112/s2190/text/is>.

С момента принятия в США этого акта выявились существенные недостатки предложенной в нем концепции охраны инвесторов. В частности, Федерация потребителей Америки (Consumer Federation of America) указывает на отсутствие четких стандартов проверки реципиентом статуса инвесторов, на невозможность решения проблем, возникающих в связи с рекламой реципиента, основанной на необоснованных и недостаточно просчитанных требованиях к сумме инвестиций, наконец, на отсутствие у регулятора инструментов, позволяющих управлять рынком в сфере краудфандинга, контролировать его, предотвращать мошенничество [20].

Критикуются и основные способы охраны прав инвесторов, среди которых, как и в российском законе, информирование инвесторов. Закон США о краудфандинге 2012 г. предусматривает правило, согласно которому зарегистрированный в Комиссии по ценным бумагам и биржам оператор краудфандинговой платформы обязан убедиться, что каждый инвестор обладает необходимой информацией и осознает риск утраты инвестиций. Упор на информирование инвесторов сделан и в ряде европейских стран. При этом, например в Бельгии, сокрытие информации признается недобросовестным поведением [21].

В целом политика раскрытия информации остается ключевым инструментом регулирования краудфандинга за рубежом, основным элементом которого является «разумный инвестор», благодаря полученной информации действующий рационально [22, р. 828–829].

Таким образом, инвесторам предлагают самостоятельно оценивать и принимать на себя все риски инвестирования в краудфандинговые проекты с учетом полученной информации. Однако в условиях, когда инвесторами чаще всего являются не имеющие специальных познаний физические лица, такой способ защиты становится малоэффективным [23]. Более того, его закрепление создает у регулятора ложное чувство обеспечения безопасности участников краудфандинга, что в отсутствие иных действенных мер защиты может только способствовать росту числа преступлений в данной сфере.

На это обращают внимание и зарубежные, прежде всего американские, ученые, которые отмечают, что риски использования сети Интернет для сбора инвестиций предопределяют необходимость применения более действенных мер защиты [14, р. 1758; 20].

По той же причине критикуется и такой способ охраны инвесторов, как ограничение суммы их участия в проекте. Например, в США эта сумма не должна превышать 5 % годового дохода, если годовой доход менее 100 тыс. долл. Для инвесторов с годовым доходом, превышающим данную сумму, инвестиции в течение 12 месяцев ограничиваются 10 % годового дохода⁸. В Европе ограничивается также и сумма, которую реципиент вправе привлекать через краудинвестинг или краудлендинг. Например, во Франции она не должна превышать 1 млн евро [21].

Вместе с тем такой способ защиты инвесторов лишь уменьшает сумму их возможного ущерба, но не предотвращает мошенничество.

На неэффективность названных мер профилактики мошенничества указывают и зарубежные специалисты, которые приходят к неутешительному выводу о том, что права и интересы инвесторов неоправданно принесены в жертву чрезмерно разрешительным изъятиям для краудфандинга, что уже имеет свои негативные последствия в виде роста числа фиктивных или мошеннических предложений [14, р. 1763–1764].

Однако здесь, по нашему мнению, нужно учитывать специфику краудфандинга, эффективность функционирования которого напрямую зависит от той степени свободы, которая предоставляется его участникам. Зарегулированность данной сферы и чрезмерные ограничения в ней способны прекратить ее развитие. Более того, они противоречат самой сути и назначению краудфандинга, который предполагает возможность участия в финансировании проектов любых участников оборота, а не только, к примеру, коммерческих организаций или индивидуальных предпринимателей.

Зарубежные специалисты тоже отмечают важность поиска баланса между необходимостью формирования капитала, с одной стороны, и защитой инвесторов — с другой. В иностранной литературе даже предложена формула идеального стартапа, которая включает в себя небольшую сумму капитала, требуемого для реализации проекта, более короткие сроки его развития и достижения успеха, простая, ясная идея и бизнес-модель [20]. Однако такая формула является излишне абстрактной и не учитывает всего многообразия моделей краудфандинга.

⁸ URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/112/s2190/text/is>.

С другой стороны, его своеобразие, специфика условий его осуществления увеличивают риск финансовых потерь инвесторов, в том числе в результате недобросовестных действий со стороны лиц, привлекающих инвестиции. Они же предопределяют сложности с выявлением здесь мошенничества.

Именно поэтому неизбежным является вопрос о дополнительных мерах защиты инвесторов от мошенничества, что требует разработки адекватной их системы, которая учитывала бы важность поддержки краудфандинга в качестве перспективного направления инвестиционной деятельности и одновременно препятствовала бы злоупотреблениям в данной сфере. Полагая, что таких мер может быть несколько.

Во-первых, проблема может быть решена через признание отечественным правовым порядком так называемой доктрины корпоративной вуали⁹, которая позволяет «снять вуаль» между компанией и ее учредителем и привлечь его к ответственности за причиненный третьим лицам ущерб, который имел место по его вине [26]. В Концепции развития гражданского законодательства¹⁰ было предложено признать данную доктрину, но позже законодатель отказался от этой идеи.

⁹ «Piercing the corporate veil» или «lifting the corporate veil» [24; 25, p. 252–253].

¹⁰ Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 11.

Вместе с тем возможность «снятия корпоративной вуали» позволила бы решить проблему фирм-однодневок в сфере краудфандинга, поскольку их создание стало бы бессмысленным в условиях привлечения к ответственности субъектов, реально совершивших мошенничество, т.е. учредителей таких юридических лиц. В этом случае в Законе о краудфандинге можно было бы закрепить требование о раскрытии информации не только о юридическом лице — реципиенте, но и о его учредителях — физических лицах, в роли которых могли бы выступать исключительно граждане РФ. Такая дополнительная мера охраны инвесторов способна, по нашему мнению, препятствовать распространению мошенничества в сфере краудфандинговой деятельности.

Во-вторых, можно было бы использовать опыт зарубежных стран и предусмотреть в законодательстве обязательное страхование на случай мошенничества, что позволит нивелировать его последствия путем возмещения причиненных инвесторам убытков [27; 28].

Подводя итог сказанному, можно отметить, что, с одной стороны, новизна, с другой — перспективность краудфандинга для развития отечественной экономики требуют от законодателя более внимательного отношения к охране прав инвесторов прежде всего от мошенничества, которое остается главной угрозой стабильности данной отрасли.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bradford C.S. Crowdfunding and the Federal Securities Laws / C.S. Bradford // *Columbia Business Law Review*. — 2012. — Vol. 2012, № 1. — P. 1–150.
2. Schwenbacher A. Crowdfunding of Small Entrepreneurial Ventures / A. Schwenbacher, B. Larralde // *Handbook of Entrepreneurial Finance*. — Oxford Univ. Press, 2010. — 23 p. — URL: <https://ssrn.com/abstract=1699183>.
3. Moritz A. Crowdfunding und Crowdinvesting: State-of-the-Art der wissenschaftlichen Literatur (Crowdfunding and Crowdinvesting: A Review of the Literature) / A. Moritz, J.H. Block // *Zeitschrift für KMU und Entrepreneurship*. — 2014. — Vol. 62, № 1. — P. 57–89.
4. Mollick E.R. The Dynamics of Crowdfunding: An Exploratory Study / E.R. Mollick // *Journal of Business Venturing*. — 2014. — Vol. 29, iss. 1. — P. 1–16.
5. Moenninghoff S.C. The Future of Peer-to-Peer Finance / S.C. Moenninghoff, A. Wieandt // *Schmalenbachs Zeitschrift für Betriebswirtschaftliche Forschung*. — 2013. — Vol. 65, iss. 5. — P. 466–487.
6. Cumming D.J. Crowdfunding Models: Keep-It-All vs. All-Or-Nothing / D.J. Cumming, G. Leboeuf, A. Schwenbacher // *Financial Management*. — 2019. — 5 Febr. — URL: <https://ssrn.com/abstract=2447567>.
7. Murray J.S. Equity Crowdfunding and Peer-to-Peer Lending in New Zealand: The First Year / J.S. Murray // *JASSA The Finsia Journal of Applied Finance*. — 2015. — Iss. 2. — P. 5–10.
8. Рязанова Н.В. Краудфандинг как механизм финансирования / Н.В. Рязанова, А.Д. Береговая // *Российская экономика: взгляд в будущее : материалы 4-й Междунар. науч.-практ. конф. В 3 ч. Ч. 1.* — Тамбов, 2018. — С. 137–142.
9. Кузнецова О.А. Экономико-социальная природа и правовая форма краудфандинговых отношений / О.А. Кузнецова // *Пермский юридический альманах*. — 2019. — № 2. — С. 473–483.
10. Сарнаков И.В. Правовые горизонты P2P-, P2B- и B2B-кредитования в России / И.В. Сарнаков, Ю.М. Слепцова // *Юрист*. — 2018. — № 5. — С. 17–24.
11. Disentangling Crowdfunding from Fraudfunding / D.J. Cumming, L. Hornuf, M. Karami, D. Schweizer // *Max Planck Institute for Innovation & Competition Research Paper*. — 2020. — 4 Jan. — URL: <https://ssrn.com/abstract=2828919>.
12. Комаров А.А. Криминологические аспекты мошенничества в глобальной сети Интернет : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.А. Комаров. — Саратов, 2011. — 262 с.

13. Простосердов М.А. Экономические преступления, совершаемые в киберпространстве / М.А. Простосердов. — Москва : Юрлитинформ, 2017. — 168 с.
14. Hazen T.L. Crowdfunding or Fraudfunding? Social Networks and the Securities Laws — Why the Specially Tailored Exemption Must be Conditioned on Meaningful Disclosure / T.L. Hazen // North Carolina Law Review. — 2012. — Vol. 90. — P. 1735–1769.
15. Wagen W. van der. From Cybercrime to Cyborg Crime: Botnets as Hybrid Criminal Actor-Networks / W. van der Wagen, W. Pieters // The British Journal of Criminology. — 2015. — Vol. 55, iss. 3. — P. 578–595.
16. Wall D.S. Policing diversity in the digital age: Maintaining order in virtual communities / D.S. Wall, M. Williams // Criminology & Criminal Justice. — 2007. — Vol. 7, № 4. — P. 391–415.
17. Макарова Е.Н. Проблемы и риски краудтехнологий в России / Е.Н. Макарова, Т.Ю. Осипова // Проблемы учета и финансов. — 2017. — № 2. — С. 38–42.
18. Федоренко С.П. Особенности формирования российской правовой системы на современном этапе развития / С.П. Федоренко, А.А. Антоненко, А.Э. Есипенко. — DOI 10.23683/2313-6138-2019-6-3-4 // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. — 2019. — № 3. — С. 29–33.
19. Siering M., Koch J.-A., Deokar A.V. Detecting Fraudulent Behavior on Crowdfunding Platforms: The Role of Linguistic and Content-Based Cues in Static and Dynamic Contexts / M. Siering, J.-A. Koch, A.V. Deokar // Journal of Management Information Systems. — 2016. — Vol. 33, № 2. — P. 421–455.
20. Jeng D. The JOBS Act: Rule 506, Crowdfunding, and the Balance between Efficient Capital Formation and Investor Protection / D. Jeng // SSRN Electronic Journal. — 2012. — 28 Dec. — URL: <https://ssrn.com/abstract=2238624>.
21. Клинов А.О. Правовое регулирование краудфандинга в России и за рубежом / А.О. Клинов // Закон. — 2018. — № 2. — С. 90–105.
22. Heminway J.M. Investor and Market Protection in the Crowdfunding Era: Disclosing to and for the «Crowd» / J.M. Heminway // Vermont Law Review. — 2014. — Vol. 38. — P. 827–848.
23. Яценко Т.С. Проблема охраны прав инвесторов в краудфандинге: риски инвестирования и пути их преодоления / Т.С. Яценко // Журнал российского права. — 2019. — № 8. — С. 62–71.
24. Osmond M. Piercing corporate veil under Indonesian law / M. Osmond, A. Muqthi // INA magazine. — 2009. — Vol. 21, № 1. — P. 26–29.
25. Ramsay I.M. Piercing the corporate veil in Australia / I.M. Ramsay, D.B. Noakes // Company and Securities Law Journal. — 2001. — Vol. 19. — P. 250–271.
26. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право / Е.А. Суханов. — Москва : Статут, 2014. — 456 с.
27. Li T. Fraud in Crowdfunding and Antifraud Insurance / T. Li // SSRN Electronic Journal. — 2013. — 12 May. — URL: <https://ssrn.com/abstract=2273263>.
28. Dapp T.F. Crowdfunding. Does crowd euphoria impair risk consciousness / T.F. Dapp, C. Laskawi // Deutsche Bank Research. — 2014. — 23 May. — URL: https://www.dbresearch.com/PROD/RPS_EN-PROD/Crowdfunding%3A_Does_crowd_euphoria_impair_risk_cons/RPS_EN_DOC_VIEW.calias?rwnode=PROD0000000000435629&ProdCollection=PR OD0000000000451960.

REFERENCES

1. Bradford C.S. Crowdfunding and the Federal Securities Laws. *Columbia Business Law Review*, 2012, vol. 2012, no. 1, pp. 1–150.
2. Schwenbacher A., Larralde B. Crowdfunding of Small Entrepreneurial Ventures. *Handbook of Entrepreneurial Finance*. Oxford University Press, 2010. 23 p. Available at: <https://ssrn.com/abstract=1699183>.
3. Moritz A., Block J.H. Crowdfunding und Crowdinvesting: State-of-the-Art der wissenschaftlichen Literatur (Crowdfunding and Crowdinvesting: A Review of the Literature). *Zeitschrift für KMU und Entrepreneurship*, 2014, vol. 62, no. 1, pp. 57–89.
4. Mollick E.R. The Dynamics of Crowdfunding: An Exploratory Study. *Journal of Business Venturing*, 2014, vol. 29, iss. 1, pp. 1–16.
5. Moenninghoff S.C., Wieandt A. The Future of Peer-to-Peer Finance. *Schmalenbachs Zeitschrift für Betriebswirtschaftliche Forschung*, 2013, vol. 65, iss. 5, pp. 466–487.
6. Cumming D.J., Leboeuf G., Schwenbacher A. Crowdfunding Models: Keep-It-All vs. All-Or-Nothing. *Financial Management*, 2019, 5 February. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2447567>.
7. Murray J.S. Equity Crowdfunding and Peer-to-Peer Lending in New Zealand: The First Year. *JASSA The Finsia Journal of Applied Finance*, 2015, iss. 2, pp. 5–10.
8. Ryazanova N.V., Beregovaya A.D. Crowdfunding as a mechanism of financing. *Rossiiskaya ekonomika: vzglyad v budushchee. Materialy 4-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Russian Economy: A Vision of the Future. Materials of the 4th International Scientific and Practical Conference]. Tambov, 2018, vol. 1, pp. 137–142. (In Russian).
9. Kuznetsova O.A. Economic and Social Nature and Legal Form of Crowdfunding Relations. *Permskii yuridicheskii al'manakh = Perm Legal Almanac*, 2019, no. 2, pp. 473–483. (In Russian).
10. Sarnakov I.V., Sleptsova Y.M. Legal Horizons of P2P, P2B and B2B Lending in Russia. *Yurist = Jurist*, 2018, no. 5, pp. 17–24. (In Russian).
11. Cumming D.J., Hornuf L., Karami M., Schweizer D. Disentangling Crowdfunding from Fraudfunding. *Max Planck Institute for Innovation & Competition Research Paper*, 2020, 4 January. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2828919>.
12. Komarov A.A. *Kriminologicheskie aspekty moshennichestva v global'noi seti Internet*. Kand. Diss. [Criminological Aspects of Internet-Fraud. Cand. Diss.]. Saratov, 2011. 262 p.
13. Prostoserdiv M.A. *Ekonomicheskie prestupleniya, sovershaemye v kiberprostranstve* [Economic Crimes in Cyberspace]. Moscow, YurLitinform Publ., 2017. 168 p.

14. Hazen T.L. Crowdfunding or Fraudfunding? Social Networks and the Securities Laws — Why the Specially Tailored Exemption Must be Conditioned on Meaningful Disclosure. *North Carolina Law Review*, 2012, vol. 90, pp. 1735–1769.
15. Wagen W. van der, Pieters W. From Cybercrime to Cyborg Crime: Botnets as Hybrid Criminal Actor-Networks. *The British Journal of Criminology*, 2015, vol. 55, iss. 3, pp. 578–595.
16. Wall D.S., Williams M. Policing diversity in the digital age: Maintaining order in virtual communities. *Criminology & Criminal Justice*, 2007, vol. 7, no. 4, pp. 391–415.
17. Makarova E.N., Osipova T.Yu. Problems and Risks of Crowd-Technologies Development in Russia. *Problemy ucheta i finansov = Problems of Accounting and Finance*, 2017, no. 2, pp. 38–42. (In Russian).
18. Fedorenko S.P., Antonenko A.A., Esipenko A.E. Formation Peculiarities of the Russian Legal System at the Present Stage of Development. *Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta = Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University*, 2019, no. 3, pp. 29–33. (In Russian).
19. Siering M., Koch J.-A., Deokar A.V. Detecting Fraudulent Behavior on Crowdfunding Platforms: The Role of Linguistic and Content-Based Cues in Static and Dynamic Contexts. *Journal of Management Information Systems*, 2016, vol. 33, no. 2, pp. 421–455.
20. Jeng D. The JOBS Act: Rule 506, Crowdfunding, and the Balance between Efficient Capital Formation and Investor Protection. *SSRN Electronic Journal*, 2012, 28 December. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2238624>.
21. Klinov A.O. The Legal Regulation of Crowdfunding in Russia and Foreign Jurisdictions. *Zakon = Law*, 2018, no. 2, pp. 90–105. (In Russian).
22. Heminway J.M. Investor and Market Protection in the Crowdfunding Era: Disclosing to and for the «Crowd». *Vermont Law Review*, 2014, vol. 38, pp. 827–848.
23. Yatsenko T.S. The Problem of Protection of Rights of Investors in Crowdfunding: Investment Risks and Ways to Overcome Them. *Zhurnal Rossiiskogo prava = Russian Law Journal*, 2019, no. 8, pp. 62–71. (In Russian).
24. Osmond M., Muqthi A. Piercing Corporate Veil under Indonesian Law. *INA Magazine*, 2009, vol. 21, no. 1, pp. 26–29.
25. Ramsay I.M., Noakes D.B. Piercing the Corporate Veil in Australia. *Company and Securities Law Journal*, 2001, vol. 19, pp. 250–271.
26. Sukhanov E.A. *Sravnitel'noe korporativnoe pravo* [Comparative Corporate Law]. Moscow, Statut Publ., 2014. 456 p.
27. Li T. Fraud in Crowdfunding and Antifraud Insurance. *SSRN Electronic Journal*, 2013, 12 May. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2273263>.
28. Dapp T.F., Laskawi C. Crowdfunding. Does crowd euphoria impair risk consciousness. *Deutsche Bank Research*, 2014, 23 May. Available at: https://www.dbresearch.com/PROD/RPS_EN-PROD/Crowdfunding%3A_Does_crowd_euphoria_impair_risk_cons/RPS_EN_DOC_VIEW.calias?rwnode=PROD0000000000435629&ProdCollection=PROD0000000000451960.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Яценко Татьяна Сергеевна — заведующий кафедрой гражданского права Южного федерального университета, доктор юридических наук, доцент, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; e-mail: tat-yacenko@yandex.ru.

Тищенко Екатерина Владимировна — доцент кафедры уголовного права и криминологии Южного федерального университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; e-mail: tok_mak@mail.ru.

Овчинников Алексей Игоревич — заведующий кафедрой теории и истории государства и права Южного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; e-mail: k_fp3@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Яценко Т.С. Краудфандинг: социальное предпринимательство и противодействие преступности в этой сфере / Т.С. Яценко, Е.В. Тищенко, А.И. Овчинников. — DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(2).189-198 // Всероссийский криминологический журнал. — 2021. — Т. 15, № 2. — С. 189–198.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yatsenko, Tatiana S. — Head, Chair of Civil Law, Southern Federal University, Doctor of Law, Ass. Professor, Rostov-on-Don, the Russian Federation; e-mail: tat-yacenko@yandex.ru.

Tishchenko, Ekaterina V. — Ass. Professor, Chair of Criminal Law and Criminology, Southern Federal University, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Rostov-on-Don, the Russian Federation; e-mail: tok_mak@mail.ru.

Ovchinnikov, Alexey I. — Head, Chair of Theory and History of State and Law, Southern Federal University, Doctor of Law, Professor, Rostov-on-Don, the Russian Federation; e-mail: k_fp3@mail.ru.

FOR CITATION

Yatsenko T.S., Tishchenko E.V., Ovchinnikov A.I. Crowdfunding: social enterprise and corruption counteraction in this sphere. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2021, vol. 15, no. 2, pp. 189–198. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(2).189-198. (In Russian).